

УДК 340.12 и
ББК 67.1(2)

ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ЗЕМСТВО В УЧЕНИИ Ю. Ф. САМАРИНА

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ORCID: 0009-0000-1582-2195

Аннотация: Статья посвящена двум взаимосвязанным темам в политико-правовом наследии Ю. Ф. Самарина — учению о соотношении церкви и государства и проекту земского самоуправления. Рассматриваются католическая и протестантская деформации симфонии, а также критика Самариным петровской синодальной системы как торжества протестантского принципа в России. Анализируется земский проект Самарина, в котором он, опираясь на собственный опыт земской деятельности, предлагает гибкую модель местного самоуправления, свободную от бюрократической унификации и сословных привилегий. Показывается, что оба аспекта — церковно-государственный и земский — подчинены одной логике: недопущение поглощения самостоятельных начал. Делается вывод, что Самарин, будучи противником конституции и парламента, предлагает альтернативную западной модель, где неограниченная верховная власть монарха сочетается с недопущением поглощения Церкви и земства государством.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, славянофильство, симфония властей, земство, местное самоуправление, государственный идеал.

CHURCH, STATE, AND ZEMSTVO IN THE TEACHINGS OF YU. F. SAMARIN

E. S. Besedina

Altai State University (Barnaul, Russia)

Annotation: The article is devoted to two interrelated topics in Y. F. Samarin's political and legal legacy: the doctrine of the relationship between the Church and the state ("symphony of powers") and the project of zemstvo self-government. The article examines the Catholic and Protestant deformations of the symphony, as well as Samarin's criticism of Peter the Great's synodal system as the triumph of the Protestant principle in Russia. The article analyzes Samarin's zemstvo project, in which he, based on his own experience of zemstvo activities, proposes a flexible model of local self-government that is free from bureaucratic unification and class privileges. It shows that both aspects — the church-state relationship and the zemstvo — are subject to the same logic: preventing the absorption of independent principles (the Church by the state and the zemstvo by the bureaucracy). The article concludes that Samarin, being an opponent of the constitution and parliament, proposes an alternative Western model where the unlimited supreme authority of the monarch is combined with the prevention of the absorption of the Church and the zemstvo by the state.

Keywords: Yu. F. Samarin, Slavophilism, symphony of powers, zemstvo, local self-government, state ideal.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.3)

Юрий Фёдорович Самарин — выдающийся деятель славянофильского кружка. Его судьба была неразрывно связана с судьбой России. Будучи не только теоретиком славянофильства, но и практиком земского дела, имея опыт государственной службы и участия в крестьянской реформе, Ю. Ф. Самарин придал своему политико-правовому учению редкую прикладную

глубину, которая, однако, не противоречила высоким нравственно-религиозным идеалам, а органично с ними сочеталась. Его политико-правовое наследие пронизано единым органическим принципом: государство и право не конструируются по рационалистическим схемам, а естественно вырастают из народной жизни, скреплённой православной верой и исторической памятью.

Двумя важнейшими проекциями этого принципа выступают, во-первых, учение о соотношении церкви и государства, а во-вторых, проект земского самоуправления. Удивительным образом в творчестве Самарина эти две темы обнаруживают глубокое внутреннее единство, будучи двумя сторонами одного органического идеала, альтернативного западной модели разделения властей. В настоящей статье предпринята попытка реконструировать оба аспекта и показать их связь.

К вопросу о соотношении церкви и государства Самарин впервые обратился ещё во время написания магистерской диссертации по теме «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». В процессе работы он увидел в католицизме и протестантизме не просто вероучительные заблуждения, а законченные политические проекты, воплотившие ложные и губительные для России принципы организации власти, что помогло ему сформулировать собственные представления о правильном взаимоотношении церковных и государственных институтов.

Католицизм стал, по Самарину, первой и весьма показательной деформацией. Бессилие римской церкви выразилось в потребности внешней вспомогательной силы. Церковь римская присвоила себе мирскую власть, то есть, другими словами, церковь римская явилась государством [1, с. 149]. Этот порок латинской модели находит своё законченное выражение в иезуитском ордене, который Самарин называл «самым законным и естественным исчадием латинства» [2, с. 524]. По его мнению, иезуиты стремились подчинить себе совесть человека, чтобы через это подчинить его самого.

В отличие от католической модели, протестантизм, по мнению Самарина, разрешил вопрос об отношении духовной и светской власти через отрицание церкви как таковой. Он критиковал низведение религии до уровня национальных интересов и подчинение духовенства государству. Протестантизм привёл к разрушению органического государства и замене его «случайным соединением частных лиц», отсюда вытекает теория общественного договора [1, с. 158]. В итоге Самарин приходил к выводу, что западные модели соотношения церкви и государства сводятся к дилемме: либо господство церкви и отрицание государства, либо господство государства и отрицание церкви. Развивая Хомяковскую еkkлeзиологию, он видел в западном христианстве торжество рационализма, который принимает две формы: «Рассудка, хватающегося за призрак истины и отдающего свободу в рабство внешнему авторитету, — это Латинство, и рассудка, доискивающегося самодельной истины и приносящего единство в жертву субъективной искренности, — это Протестантизм» [3, с. 623].

Упразднение патриаршества и создание Синода Самарин рассматривал как торжество протестантского принципа — полное поглощение церкви государством, «церковной казенщиной». Прямым доказательством этого служит сам институциональный статус Синода как «Духовной коллегии» — государственного учреждения. Превращение церкви в бюрократическое ведомство привело к её внутреннему омертвлению.

Омертвление церкви, превратившейся в часть бюрократической машины, имело катастрофические последствия и для самого государства. Лишившись живого духовного источника, монархия утратила ту нравственную связь с народом, которая составляла основу её легитимности. В результате, по мысли Самарина, верховная власть оказалась вынуждена всё больше опираться не на добровольное признание и любовь подданных, а на голую силу и формальное принуждение. Государство превратилось в бездушную машину, управляемую страхом и бюрократической процедурой, а не живым доверием. Именно этот разрыв между властью и народом Самарин считал главным недугом российской государственности, порождённым синодальной системой и петровскими реформами в целом.

Тема земства в политико-правовом наследии Самарина также не случайна. Сам он имел непосредственный опыт земской деятельности: в 1865 году возглавлял Самарское губернское земское собрание, в 1866-м стал гласным Московской городской думы и губернского земского собрания. Этот опыт убедил его, что земство может стать живым каналом связи между властью и народом, школой общественной самодеятельности и ответственности. Самарин, в отличие от некоторых других славянофилов (например, К. С. Аксакова), выступавших за созыв Земского собора, считал такой путь ошибоч-

ным. Для него «земства не местного, а общерусского быть не может; общерусское представительство делается естественно государственным представительством» [4, с. 227]. Подлинное же представительство народных нужд должно было осуществляться не «наверху», а «внизу» — через всесословное земское самоуправление. Земство мыслилось им как «правильно организованная сила общественного мнения», живой канал связи между «землёй» и царём.

Анализируя проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», Самарин, прежде всего, одобряет его ключевые принципы: всесословность и самостоятельность уездных учреждений. Однако главный недостаток он видит в чрезмерной унификации. Создание единого типа учреждений «в той единственной его форме» для всех 44 губерний игнорирует разнообразие российских регионов. В противовес Самарин разрабатывает систему дифференцированных моделей, предлагая ввести три степени: низшую (для слабо развитых уездов), среднюю (переходную) и высшую (полностью соответствующую проекту). Каждому уезду предоставлялось право самостоятельно избрать подходящую форму. Используя яркую метафору, он заключал, что проект, как сшитая по единому образцу одежда, «может соответствовать только зрелому возрасту и самому большому росту; среднему будет слишком просторно, а для малого они положительно будут обременительны» [5, с. 23].

Центральное место в критике Самарина занимает критика сословных привилегий в избирательной системе. Он демонстрирует, что представительство личных землевладельцев, в основном дворянства, создаёт «огромный перевес» над представительством от крестьянских общин. Дворянин с 200 десятинами земли получает личный голос, тогда как недворянину необходимо 400. Этот подход несправедлив и разжигает сословную вражду [5, с. 34]. Особой критике он подвергает совмещение должностей, когда губернский предводитель становится председателем и управы, и собрания, считая это абсурдным [5, с. 43].

Одним из существенных преимуществ самаринского проекта является защита прямого крестьянского представительства. Он выступал против того, чтобы выборы гласных от крестьян производились не волостными сходами, а собранием старшин и старост. «Крестьяне — начальники... выделяясь из массы, необыкновенно скоро проникаются начальническим духом», что способствует тому, что они отрываются от общей крестьянской массы и начинают представлять собой отдельное сообщество» [5, с. 45].

Особую тревогу Самарина вызывает кадровая проблема. С упразднением прежних коллегиальных учреждений земские органы остаются без опытных специалистов — врачей, учителей, инженеров и статистиков, которые годами накапливали знания о местных нуждах. Самарин предлагает неожиданное и смелое решение: предоставить земским собраниям право включать в свой состав таких профессионалов, даже если те не являются выборными гласными. Эта кооптация экспертов должна была гарантировать преемственность управления, спасти земство от утекания ценного опыта и дать ему прочную опору [5, с. 31–32].

Для Самарина крайне важно, чтобы земство не стало ещё одним элементом бюрократической машины, а стало именно школой общественной деятельности и в первую очередь для крестьян, которые столетиями были лишены возможности самостоятельно решать общественные вопросы. В земстве Самарин видел и возможность сближения разрозненных классов, решая местные вопросы совместно. Рассуждая о земстве, Самарин, по сути, тоже говорит о симфонии: взаимоотношения земства и государства должно строиться не на подчинение, а гармоничное взаимодействие самостоятельных начал.

Два важнейших вопроса в творчестве Самарина о церковно-государственных отношениях и о земском самоуправлении оказываются тесно связанными. Самарин — противник конституции, парламента и любых других попыток формально ограничить власть. Конституцию он называет «организованным недоверием». Однако это не означает, что его идеал — власть, ничем не ограниченная. Просто ограничения, по Самарину, должны быть не формальными, а содержательными. Их источник — не писанный закон, а нравственный закон, православная вера, живая связь монарха с народом и самостоятельность укоренённых в народной жизни институтов, таких, как земство.

Таким образом, у Самарина складывается иная модель, альтернативная западной модели разграничения властей. Его идеал — это единство верховной власти сочетается в ней с автономией церкви и местного самоуправления. И то и другое работает на восстановление органической связи меж-

ду властью и «землёй» — связи, которую, по убеждению Самарина, разрушили петровские реформы и последующая бюрократическая централизация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2: Церковь и общество. — СПб.: Росток, 2014. — С. 16–388.
2. Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову. — 2-е изд. — М.: Рус. архив, 1868. — 480 с.
3. Самарин Ю. Ф. Предисловие к богословским сочинениям А.С. Хомякова // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2: Церковь и общество. — СПб.: Росток, 2014. — С. 595–630.
4. Самарин Ю. Ф. Письма И. С. Аксакову 1851–1872 // Собрание сочинений в пяти томах. — СПб.: Росток, 2016. — С. 239–315.
5. Самарин Ю. Ф. О проекте земских хозяйственных учреждений. — М.: тип. Бахметева, 1863. — 70 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Беседина Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет, проспект Социалистический, 68, Барнаул, Алтайский край, 656049 Efremova_e@mail.asu.ru